

ПРАВОСЛАВНАЯ МОНАРХИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ТЕОРИИ

Д. В. Посредников

АНОТАЦІЯ

У статті розглядаються основні принципи візантійської державності – православна монархія, симфонія світської і духовної влади, сформульовані у працях Євсевія, Іоанна Златоуста, Юстиніана, Фотія, Костянтина Багрянородного та інших. Автор приділяє особливу увагу формулі державно-церковних відносин, а також уявленням візантійців про роль імперії у всесвітній історії. Як показав досвід, Візантія, до кінця зберігши свою «конституцію», заклала основи унікальної православної цивілізації.

Ключові слова: Візантійська імперія, православ'я, православна церква, монархія, симфонія.

В 2013 г. исполнилось 560 лет со дня падения Константинополя, столицы Восточной Римской Империи, кафедры Вселенского Патриарха. Феномен Византии – это: православие, римская государственность и античная культура. Если Церковь – носитель первого начала, то государство воплощает в себе второе, а связывается все это вместе культурой. Падение Константинополя в 1453 г. означало ликвидацию альтернативной культурно-политической модели, основанной на православной шкале ценностей. После этого в мире остались действующими лишь неевропейские модели и западноевропейская, которая возомнила себя исключительной наследницей греко-римской цивилизации. Комплекс вины за действия крестоносцев, за неоказание помощи в борьбе с турецкой агрессией в сознании европейцев были замещены черной легендой о Византии, которая стала неотъемлемой частью идеологии Запада. Именно идеологией и объясняется систематическое манипулирование темами, связанными с Византией, а позднее — с Россией и с Сербией. Византийской государственности уделялось достаточно внимания в трудах Г. Л. Курбатова[1], Г. Г. Литаврина[2], С. Рансимена[3], Л. А. Тихомирова[4], З. В. Удальцовой[5] и других, однако некоторые аспекты проблемы еще не получили достаточного освещения.

Цель статьи: не претендуя на исчерпывающее освещение темы, раскрыть основные принципы православной монархии в Византии.

Каждый раз, когда человек ощущает контраст между ценностями, культивируемыми современным либеральным обществом и ценностями высшей для человека правды и справедливости, он будет обращаться к образцам устройства общества, чья конституция была построена на убеждении, что Христианская империя

есть икона царства Божьего на земле, чей образ за прошедшие столетия оказался сильно искажен. Политические традиции византийской государственности восходят к βασιλεία – автократии Александра Македонского и эллинистической идее «царства», которые нашли свое дальнейшее развитие в римской идее универсальной державы, несущей «мир и порядок» народам[6]. Изначально императорская идея Рима была сформулирована так, чтобы правитель не мог быть назван ни царём (rex – «править», «направлять»), ни диктатором. Фактические монархи, сосредоточив в своих руках вместе с imperium все верховные должности республиканского периода, назывались принцепсами, то есть первыми среди равных (в сенате). Совмещение должностей императора и pontifex maximus – главного жреца было в обычае, так что за всю историю Рима между политикой и религией не известно ни одного конфликта. Так как принципат являлся только формальной *делегацией* Верховной власти народа и сената, то ее легитимность была оформлена путем усыновления императорами своих наследников, принимавших титул Цезарь, что означало преемственное продолжение власти и Август («божественный»). Первым был обожествлен Юлий Цезарь. Причем, по рассказу Светония, «не только словами указов, но и убеждением толпы»[7]. Апофеоз, культ божественных императоров был призван объединить все народы империи. Поклонение предназначалось не коронованному человеку, а священной глубине императорской идеи как основе государственности, в более узком смысле – Гению императора[8]. Но когда в III в. престол стал переходить из рук в руки, а власть – осознаваться как результат успеха, действия не подвластных логике мистических сил, император Аврелиан в качестве государственной религии ввел культ Митры (непобедимого Солнца). Диоклетиан, установивший новый принцип власти – доминат («господство»), провозгласил себя божеством. Когда императорская власть стала абсолютной, а мифология и сухой государственный культ уже не отвечали духовым запросам населения, высшие классы стали искать себе прибежище в стоической философии, низшие – в религиях Востока. Когда Рим подчинил Средиземноморье, были ликвидированы кровавые культы, но в IV в. полководец Максентий возродил публичные человеческие жертвоприношения, совершая их прямо на площадях обезумевшей столицы.

Лучшие римские императоры были яростными гонителями христиан и, со своей позиции, были правы, так как христиане, хотя и подчинялись Риму, отрицали культ божественного императора, отождествляемого с государством. Христианство не было национальной религией и не имело храмовых сооружений. Значит, по Светонию, оно не более чем «новое зловредное суеверие». Все это время тысячелетнее государство и трехсотлетняя Церковь стояли друг против друга, не желая и не ища сближения.

С позиции православной теологии, Церковь была создана на совершенно других началах, чем римское государство. Христос, по Вознесении получив полноту власти от Бога Отца (Пантократор), и в земной жизни, по плоти, был единственно законным наследником Богом установленной израильской монархии. Однако Он отрицательно ответил и на предложение на горе Соблазнов (Мф. 4, 8–10; Лк. 4, 5–7), и на вопрос Пилата об участии в политической деятельности: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18, 36). Дело в том, что ожидаемое иудеями тысячелетнее мессианское царство, равно как и выработанные позднее прогрессистской мыслью идеалы совершенного социально–политического строя, не имеют самодостаточного смысла и возможности земного воплощения, поскольку первородный грех, внеся разлад в душевные силы человека, постоянно будет культивировать зло и вести любое общество к распаду. Поэтому Христос обращал внимание, прежде всего на главное для человека – борьбу с грехом внутри себя, Он стал Главой Церкви[9]. Поэтому и Церковь видела свою социальную задачу в духовном просвещении народа, внедряя в его понятия начала христианского долга и пробуждая его религиозное сознание. Однако Христос не

отрицал исторической возможности единения Церкви с государством. После покаяния (греч. «исправление ума») – внедрения евангельских истин в сознание и переустройства законов общежития на христианских началах, может наступить Преображение, в корне изменив языческую государственность. Поэтому Христос, в противоположность распространенной иудеями версии о жестком противопоставлении раннего христианства империи, предостерегая от разрыва с государством, сказал: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Лк. 20,25). «Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите» (1 Петр. 2,17); «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13,1–4), – писали апостолы Петр и Павел. А по словам Тертуллиана, христиане считали императора «воистину, скорее нашим (чем вашим), потому что он поставлен у власти нашим Богом». Они молились за него, прося «долгой жизни, невредимой империи, домашнего спокойствия, сильных войск, преданного Сената, честных подданных, внешнего мира». Более того, они по-своему интерпретировали идею «Вечного Рима»: «Когда мы молим об отложении конца, мы помогаем Риму существовать вечно»[10]. Христианам некуда было удалиться от языческого Рима, – в данном случае им все равно пришлось бы искать другое государство, поэтому они были заинтересованы в союзе с ним.

Но и высшей римской власти требовался прочный идеократический элемент. Как рассказывал позднее его соперник в борьбе за престол, Константин (312–337 гг.), накануне его решающей битвы с армией Максентия (октябрь 312 г.), он со свитой стали свидетелями явления креста, сложившегося из солнечных лучей[11]. Ночью Христос сказал ему во сне: «О Константин, сим побеждай!». Историки сомневаются в правдоподобности видений, но достоверно, что когда, одержав победу, армия Константина вступила в Рим, ее знаменем был христианский символ. По мнению Л.А.Тихомирова, «С религиозной точки зрения в истории церкви не было более решающего момента, как минута, когда Константин после глубоких размышлений и таинственных видений, поднял свой «Лабарум» (т. е. знамя с монограммой IX) с надписью «Сим побеждай»[12]. В государственности, точно также в эту минуту зародился новый принцип верховной власти, которого окончательная роль даже до настоящего времени составляет предмет споров мятущегося мира»[13]. Когда Константин сделал христианство государственной религией, в империи христиан было не более десятой части, но это было образованная, сплоченная верой и недавними гонениями категория населения[14]. Н. Бердяев писал, что Константин как государственный человек и ученик христиан, умел, однако понять, что эти две силы могут не только сложиться, но что соединение им обоим одинаково нужно. Церковь не хотела ничем поступиться. Но христиане не могли жить без государства. Век харизм закончился. Пришло осознание, что Царство Божие придет не скоро, надо жить еще долгой исторической жизнью, христианство приоткрылось к активной роли во всемирной истории. Мир становился христианским миром, народы – христианскими народами, образовался универсум[15].

Положительные перемены от принятия христианства общество ощутило почти сразу. В 313 г. Миланским эдиктом Константин дозволил свободное исповедание христианства. На следующий год запретил языческие Олимпийские игры, освободил духовенство от податей, а церковные земли – от гражданских повинностей, отменил казни через распятие и издал закон против иудейских гонений на христианство. В 319 г. он запретил приносить жертвы идолам и обращаться к гадалкам. Христиане были допущены к занятию государственных должностей, им была дана свобода в постройке новых храмов. Все законы сверялись с церковными канонами, те, которые противоречили им, отменялись. Было прекращено обращение свободных в рабов, после чего рабовладение пошло на спад. Константин подтвердил право каждого, отстаивая

свои права, обращаться прямо к императору, за что римляне назвали его «восстановителем свободы».

Однако Константин, встав на сторону христиан, скоро узнал, что в церкви отсутствует единство. По словам его сподвижника Евсевия, император считал себя «епископом дел внешних», призванным обеспечивать «внешнюю ограду» церкви. Хотя Константин был крещен только на смертном одре, в 325 г. он созвал первый Вселенский собор, который осудил учение Ария и выработал Символ православной веры. Особенностью «регламента» проведения соборов принятие решения единогласно; по расхожим позициям диалог ведется до тех пор, пока не будут преодолены противоречия. Митрополит Иоанн (Снычев) писал, что впоследствии история знала немало самочинных соборов, но всегда доказательством истинности соборного решения было зримое благодатное влияние на жизнь общества. Тогда как терзавшие империю политические бури во второй период ее существования приобрели разрушительный характер именно из-за спада соборной активности[16]. Значение собиравшихся императорами с IV по VIII вв. семи Вселенских соборов состояло в том, что в ходе их работы были прояснены догматы православия (квинтэссенция вероучения) и преодолены смуты. За труды по распространению христианской веры Церковь чтит Константина как равноапостольного.

Епископ Евсевий Кессарийский обосновал христианскую концепцию императорской власти и державы. Согласно ей, если Бог Пантократор (Вседержитель) – глава существующего порядка как небесного, так и земного, то император – космократор – глава земного порядка. Евсевий в «Vita Constantini» создал образ идеального христианского императора. «От Него (Слова Божия) и через Него угодный Богу царь получает образ того Царства, которое свыше, и таким образом, в подражании этому более великому Царю, и сам ведет и направляет все дела земные... Он смотрит вверх, чтобы разглядеть первоначальный образец, и ведет тех, кем он управляет, в соответствии с этим образцом... Основной принцип царской власти заключается в едином источнике власти, которому подчиняется все остальное. Монархия превосходит любые другие установления и формы правления. Ибо полиархия, когда все состязаются на равных основаниях, на самом деле есть анархия и разлад»[17]. Император – не только поставленный Богом глава государства, его неограниченный правитель, но и земной предводитель христианского народа, одной из первейших обязанностей которого является забота об укреплении церкви и распространении христианства. Как Господь царствует на небесах, так и император должен царствовать на земле по Его заповедям. Император, как и все другие христиане – такой же раб Божий, обязанный осознавать свое земное ничтожество и ответственность перед Богом за вверенную ему власть над людьми. Концепция христианского императора требовала, чтобы его первейшим достоинством было христианское благочестие. Утвердился обычай: в Великий Четверг императоры, подобно Христу, омывали ноги нищим. Византийцы писали о священстве императоров, понимая под этим обязанность их пастырского служения, сродни с пастырством иереев. От прежней римской императорской идеи осталось требование разумности правления. Императору вменялось быть философом на троне, компетентным в государственных делах и житейской премудрости, к которым позднее добавляется и воинская доблесть. Из всех добродетелей, которыми должен обладать монарх, выделяли миролюбие, хотя сохранялся и прежний идеал императора-победителя, в христианском понимании, борющегося за Божие дело под незримым водительством Христа. Кстати, следствием воплощения идеала стало развитие дипломатии и миссионерской работы, как средства вовлечения соседних народов в орбиту византийского влияния невоенным путем. Позднее было принято сопоставлять императоров с описанным Евсевием идеалом – Константином Великим, а наследников-соправителей титуловать «Новым Константином».

Некоторые исследователи пытаются представить византийскую государственность как вариант восточной деспотии, что не справедливо. Государство не считалось собственностью царя, а он был частью царства[18]. Активная законодательная деятельность императоров не отменяла традиций, в соответствии с которыми монархи следовали «общим законам», воле «сената (синклита) и народа». В законах Юстиниана в формуле «император Цезарь, победитель, всегда Август, по всеобщему выбору и с благословения всемогущего Бога» отразилась реальная политическая практика избрания императоров. Константин ввел систему общественной оценки деятельности государственных лиц и самого императора, предоставив «народу Константинополя» выражать свое мнение на ипподроме, где в ранний период складываются политические партии – димы, которые выражали свое мнение по самому широкому кругу вопросов – общественно-политических, военных и религиозных.

Византийцы, унаследовав от древнегреческих политических теорий неприятие деспотии, считали ее наихудшей формой государственного устройства и поднимали восстания. Император Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» («О народах») обосновал, что василевс правит «под защитой десницы Бога», но если он забудет страх Божий, неизбежно впадет в грех, превратится в деспота, будет недостоин называться христианином, лишен своего поста, подвергнут анафеме, и в конце концов, убит как «общий враг» любым ромеем. Так, греческие историки восхваляли вероломное убийство дошедшего до открытого глумления над Церковью Михаила III, возведенным им в соправители конюхом, будущим Василием II[19]. Оппозицию императорской воле, часто составляли монастыри. Влияние старцев на народ было огромно, подчас оно превышало авторитет ориентированной на двор высшей церковной иерархии, и, почти всегда, императорской власти. Если требования к последней не имели последствий, то система допускала следующую форму их выражения – «беспорядки», которые представляли собой обвинение императора в нарушении гармонии. Крайняя форма – «восстание» рассматривалась как прямое обвинение императора в тирании, а, следовательно, в незаконности не только действий, но и правления. Отсюда вполне «конституционным» считалось выдвижение в ходе восстания «другого императора ромеям». Принцип был действенен не в пользу стабильности власти: из 25 династий, сменившихся на византийском престоле за всю ее историю, 41 царь принял власть по наследству, 29 захватили власть в результате бунта и заговора, 34 императора были низвергнуты, причем 12 убиты, 3 отравлены, 5 ослеплены, остальные заточены в монастыри и тюрьмы[20]. При Юстиниане димы подняли восстание «Ника!», а в 602 г. димы снова участвовали в восстании Фоки и низвержении императора Маврикия.

Изменилось, по сравнению с римским, и мировоззрение самих императоров, среди которых были такие, которые добровольно оставляли престол и уходили в монастыри. Л.А.Тихомиров описывает беспрецедентную историю императора Маврикия (582–602 гг.), в целом, доброго правителя Византии. Но однажды по его вине был перебит армейский корпус. Пробудившаяся совесть заставила его просить у церкви молитв о наказании его при этой жизни. Церковь выполнила просьбу императора. И вот, из отдаленной пустыни пришел ответ: император получит спасение, но потеряет царство со скорбью и позором. Вскоре в войсках вспыхнуло восстание Фоки, но император, будучи одним из лучших полководцев империи предпочел сдаться. Когда рубили головы его семерых детей, с каждым ударом топора он повторял: «Праведен Ты, Господи, и справедливы суды твои...» Пока последней не слетела голова самого Маврикия (602 г.)[21]. Начатое с царевубийства правление Фоки было отмечено до конца небывалым террором. Последовали гражданские войны, вторжения персов и славян вглубь империи, пока сам он не был убит Ираклием.

Византия пыталася стварыць сакральны космас. Хоця імперію тепер называюць па імені дрэвняга Византыя, самі византыяцы лічылі сябе ромеямі (рымлянамі), а сваё дзяржаўства ромейскім (рымскім). Предшэстваючая рымская гісторыя была пераосмыслена як эпоха пераходу Богам абраннай дзяржавы на больш высокую якасную ступень. Ідэя рымскага дзяржаўства як «дзяржаўства свабодных і для свабодных» трансфарміравалася ў ідэю сьвяшчэннага дзяржаўства хрысціян і для хрысціян. Рымскі свет – *Pax Romana* пераўтварыўся ў рымскі хрысціянскі свет – *Pax Romana Christiana*[22]. Канстанцінопаль, названы яго заснавателем «Новым Рымом», разглядаўся і як «Новы Іерусалім», унікальны для хрысціян тым, што не быў звязаны з языцкім прошлым, таму яго велічалі Божы град – Теуполь. Яго значэнне было столь веліка, што, як лічыцца, імперыя родзілася (11 мая 330 г.) і умерла (29 мая 1453 г.) разам з ім. У ідэале, Хрысціянская імперыя павінна была злучыць усіх людзей на зямлі, якія маглі стаць членамі праваслаўнай царквы і, калі б атрымалася дасягнуць падобнага, імператар і яго чыноўнікі падражалі б Богу і ангелам, а жыццё на зямлі стала б падрыхтоўкай к Царству Небеснаму. Як пісаў С. Рансімен, «Імперыя была кансерватыўна ў ісцінным сэнсе гэтага слова. Византыяцы верілі, што яны абавязаны захаваць (кансервіраваць) велікія культуры прошлага, Грэцыі і Рыма, якім яны наслідавалі, напітаўшы іх духам хрысціянства так, каб цывілізацыя не загінула ў цёмным і неверным свеце. Што ж да рэлігійнага пачуцця, то яно было іскрэнным і моцным. Яны глыбока веравалі ў вечную жыццё, але таксама і ў тое, што Божэственае быццё знаходзіцца за межамі чалавечага свядомасці і можа быць перададзена пасрэдамі сімвалаў. Зямная імперыя атрымалася рэччу эфемернай і можа быць абаронена толькі сваёй сувяззю з царствам Божым. Царства Божае – гэта невыбачнае і вечнае Ідэя, і зямнае царства не можа быць больш, чым яго зямная тень, адчуваемым, але преходзячым сімвалам, сродкам прыгатавання к вечнасці. Такую ролю можа выконваць толькі справядлівае і гарманічнае царства, дзе царыць Ісцінная Вера, паколькі гэта Ісцінная Вера ўвогуле можа быць прынята. Аднак у часовам свеце прараствае грэх. Византыяцы добра разумелі, што іх гісторыя поўна слабасці, глупасці, гордыні, тшчаславія і алчнасці. Яны верілі, што так праявілася іх грэховнасць, ставшая прычынай іх упадка і канчатковага разарэння. Аднак ідэал захаваў сваё высокае годнасць, каб бы далёка не адступала яго практычнае воплотненне»[23]. У словах ап. Павла: «Ібо тайна беззаконя ўжо ў дзейнасці, толькі не звышаецца да тых пар, пака не будзе аднята ад сродку ўтрымліваючы цяпер...» (2 Сол. 2,7), імяна ў імперыі византыяцы бачылі «ўтрымліваючага» (прыход антыхрыста). Іоанн Златоуст, тлумачыў: «Потому што да тых пар, пака будуць баяцца гэтага дзяржаўства, ніхто хутка не падчыніцца антыхрысту; але пасля таго, як яно будзе разбурана, водворыцца безначаліе, і ён будзе імкнуцца пахітці ўсю – і чалавечую і божэственаю ўладу». На гэтай аснове узнік византыяцкі патрыятызм, як упэўненасць у божэственам пакрыццельстве і осознанне абавязнасці спосабаваць спасенню другіх народаў, содействаў распаўсюду хрысціянства і ўтрыманню ад разліцця сусветнага зла.

У тэорыі ўнутранага кіравання Византыя захаваў грэцкую ідэю таксіса – «ідэальнага грамадскага парадка», дзе кожны з яго членаў меў свае правы і абавязнасці. На раннім этапе дзяржаўстватвораючым народам Византыі стаў уся хрысціянскі народ – *Corpus Christianorum*. А калі заходні свет паў пад націскам варвараў, унаследаванае ад элінізма патрабаванне «аднамыслія», зразумелае як хрысціянскае аднавер'е, захаваў усходнюю дзяржаўстваснасць ад распаду. Калі імперыя падверглася націску арабаў, імператар Лев III (іконоборца), стварае канцэпцыю манарха – ахораніцеля бедных і угнетаных («Эклогі» 726 г.). А ў IX в. патрыярх Фотій у заканадаўчым зборніку – «Ісагоге» сфармуляваў трыядную дактрыну – аднаства праваслаўнай веры, улады васілеўса і божэственага імперыі,

причем власть императора представляет «общее благо для всех подданных»[24]. Как человек создан по подобию Божию, так и империя должна стать подобной Царству Небесному. Небесной демократии не существует, а есть Царство – жестко соподчиненный иерархический порядок. Данный принцип строго соблюдался, но вплоть до XI в. сословия не были замкнутыми. Причем иногда императорами становились женщины, а высшие должности военной, государственной и церковной власти занимали люди из низов, дети крестьян, варваров или рабов, которые, подчас становились императорами.

Процесс перерождения римской империи из языческой в христианскую (Imperium Christianum) был подытожен императором Юстинианом I (527–565 гг.), славянином, выходцем из крестьянского сословия. За пять лет по его поручению был составлен кодекс римского права, где была сформулирована доктрина симфонии государства и церкви. Император подытожил то, что было высказано ранее Евсевием Кессарийским, свт. Василием Великим, Григорием Богословом, Львом I Великим, Амвросием Медиоланским, преп. Ефремом Сирийским, Иоанном Дамаскиным, Исидором Пелусиотом и блаж. Августином. Формула диархии государства и церкви должна была выдержать ряд условий.

Во-первых, царское служение в образ царей Израиля было восстановлено сверхъестественным призванием Константина, так что до VII в. власть императора не нуждалась в дополнительной легитимации Церковью. Как возглашает Церковь на службе в честь св. Константина: «Ты получил свое имя не от людей, но, как божественный Павел, получил его от Христа Бога на небесах, о всеславный Константине»[25].

Во-вторых, в римском праве государство имело безусловное преимущество перед языческой религией. Однако для истинной веры нужен был другой подход. Независимость двух институтов – Самодержавия и Церкви – лежит в основе канонических запретов на вступление на светскую службу священнослужителей и священнический сан для царя.

В-третьих, если Церковь должна была признать независимое от нее происхождение Самодержавия, то и Самодержавие, со своей стороны, должно было признать независимое от него происхождение Церкви.

Симфония в шестой новелле была сформулирована следующим образом. «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием – это священство и царство. Первое служит делам Божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят из одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому, если первое поистине беспорочно и украшено верностью Богу, а второе украшено правильным и порядочным государственным строем, между ними будет добрая симфония, с которыми она для пользы человеческого рода предлагается»[26].

По мнению православного исследователя и публициста И. Н. Андрушкевича[27], термин Аристотеля «орґосъ политеіанъ» (правильный государственный строй), употреблено в шестой новелле Юстинианом в смысле, вложенным Аристотелем в учение о формах государства и означает, что:

1. Добрая симфония (созвучие) Церкви и государства возможна лишь с каким-нибудь из трех правильных государственных режимов: с монархией, аристократией и политией (республикой). Возможность таковой исключается с политическим строем, являющимся извращением правильных режимов: с тиранией, олигархией и демократией.

2. В рамках правильного режима необходима компетентность государственной власти.

3. Симфония ничего не требует от Церкви, предполагая ее истинной и верной, но выдвигает требования к священству, которое должно быть честным, беспорочным и полностью верным Богу, причем симфония зависит от его качества.

4. В основании всех предыдущих условий лежит принцип равнозвучия царства и священства, каждого в своей сфере. Именно непринятие своего происхождения, автоматически исключает возможность доброй симфонии, равно как и непризнание принципа, что оба – царство и священство, являются «величайшими дарами Божиими», призванными «украшать человеческую жизнь».

Являясь образцом идеальных отношений между Церковью и государством, симфония характерна тем, что хотя она не всегда достижима, но ее принципиальное признание является одним из важнейших ориентиров для стремления к легитимности государства и к беспорочности священства. Под ее влиянием постепенно утвердилась и христианская символика императорской власти. Юстиниан первым из императоров Византии стал изображаться на монетах с увенчанной крестом державой. Обряд церковного коронования патриархом в храме св. Софии вводится с 451 г. Ираклий первым был коронован не как император, а как василевс и автократор (царь и самодержец), получив доступ в алтарь и, единственный из мирян – участие в совершении литургии. Помазание[28] как удостоверение, что власть монарха дана ему Богом, утверждается только с XII в., после того, как на Западе римские папы обосновали «примат» своей власти над монархами. В «Исагоге» патриарх Фотий дал разграничение долга василевса – «удерживать и сохранять по доброй воле имеющиеся блага, возвращать благодаря своей неусыпной деятельности утраченное и рвением своим и усердием добывать отсутствующее» и патриарха – «вести к правоверию тех, насколько возможно»[29]. Как писал Н. Н. Алексеев, «государство (в теории симфонии) уподобляется организму, составленному из многих частей и членов. Царь и патриарх являются двумя главами этого тела, которые в симфоническом взаимном согласии и при полном разделении своих функций управляют государственным организмом»[30]. Поэтому символом преемства римской государственности, одновременно выражением ее нового принципа – симфонии церкви и государства стал двуглавый орел.

Несомненно, что на практике со стороны монархов симфония не раз нарушалась. Императоры, подчас, сами узаконивали ереси, но Церковь подходила довольно снисходительно, так как делали они это искренне, а четко разработанная догматика утвердилась именно в борьбе с искажениями. Так, Ираклий, популярный в народе тем, что вернул в Иерусалим плененный персами Крест Господень, неудачно пытался подавить ересь монофизитства монофилитством. В его, не оспариваемом Церковью титуле «во Христе верный», подчеркивалось призвание императора быть блюстителем православия. Но на VI Вселенском соборе (681 г.), осудившим монофилитство по распоряжению другого императора Константина IV (668–685 гг.), епископы назвали его «светильником ортодоксии», толкователем «сущности природы Христа», «сокрушителем еретиков». Наиболее сильно данная тенденция выразилась в VIII–IX вв., когда императоры выступили как жестокие гонители иконопочитания. Начинатель иконоборчества император Лев III Исаврянин, ища поддержку у семитского населения империи, в указе против икон (730 г.) называет себя понтификом и царем-священником. Вопрос был поставлен кардинально: кто за императора и империю, тот против икон; кто за иконы, тот против императора и империи. Хотя при поддержке властей существовала иконоборческая иерархия, сломить сопротивление монахов и народа силой не удалось. Церковные историки, оценивая внешние успехи императоров-иконоборцев, не отрицали присутствия на них «помазания», но считали их вероотступничеством как наказание подданных-христиан за грехи. Но спустя столетие борьбы, императорская власть должна была признать, что даже если царь

провозглашает себя священником, то он не может навязать народу богословия, которого тот не принимает. А в целом, иконоборчество было осознано как причина утраты восточных провинций и отпадения Римской церкви. Только однажды в ранней истории Византии, император Юлиан, желая возродить умерший языческий Рим и искоренить православие, пытался доказать незаконность воцарения Константина, за что был однозначно осужден обществом и Церковью, как покусившийся на «дело Константина» и получил прозвище «Отступник». Позднее, в начале X в. православный император Лев VI претендовал на то, чтобы стать главою церкви и государства, в том смысле, что если бы Церковь под руководством патриарха непременно противодействовала императору, то император мог бы сам разрешить конфликт. Лев VI сместил патриарха Николая Мистика, который противодействовал его пятой женитьбе на Зое, закрыв перед ним двери св. Софии. Тогда император возвел на патриарший престол своего друга Евфимия, но перед смертью в 912 г. Лев его сместил и восстановил Николая, после чего цезарепапизм никогда не возрождался[31].

Симфония установленная со всеми пятью патриархатами, то есть, с Вселенской Церковью, равно как и с Константинопольским патриархом не выдерживалась императорами. Например, Маврикий присвоил константинопольскому патриарху Иоанну Постнику титул «Вселенский», в чем папа Григорий Великий увидел посягательство на его право. Последующая история отношений Рима и Константинополя заполнена соперничеством за главенство в церкви, пока при патриархах Фотии и Михаиле Керуларии не произошел временный и окончательный разрыв с Римом (1054 г.). Императоры часто возводили на престол и смещали патриархов по своему усмотрению. Правда, некоторые Константинопольские патриархи вслед за властью уклонялись в ересь, так что новым императорам приходилось восстанавливать благочестие (из 76 патриархов до XI в. 18 – еретиков, но 49, несомненно, православных, причисленных к лику святых, 9 – не квалифицированы)[32]. Но чаще, когда императоры нарушали симфонию и не было смысла сохранять видимый консенсус, церковные иерархи шли конфликт. Они не боялись отлучать от церкви грешивших императоров, не допускали их в св. Софию, как поступил, к примеру, патриарх Полиевкт с вступившим в результате цареубийства на престол Иоанном Цимисхием[33]. Императоры отвечали неугодным ссылкой, обрекая на смерть, как свт. Иоанна Златоуста (+407 г.), ослепляли, как василевс Константин VIII поступил с епископом г. Навпакта, где горожане подняли восстание. Но, как писал А. Тойнби: «В столкновениях римских восточных императоров с константинопольскими патриархами первые выиграли много сражений, но не выиграли ни одной войны...» Потому что «в религиозных вопросах восточные римские императоры в конечном итоге всегда терпели поражение, когда их политика отходила от преобладающего народного чувства»[34]. Дело в том, что в понимании православных *ecclesia* – собрание всех верных, живых и умерших, в отличие от западного понимания «церкви» в значении иерархии. Поэтому последнее слово в Византии оставалось за народом – церковью.

Эрозия христианства на Востоке и на Западе происходила по-разному. Запад рафинировал право; Восток погружался в обрядовое служение государству. Союз государства и церкви имел и такую негативную сторону: мир стал проникать в церковь, модифицируя нравы, притупляя ревность к вере, подвигам и делам милосердия. В ответ возникло такое явление, как монашество — отшельничество, а за ним и общежительные монастыри, которые стали активно заниматься филантропией («человеколюбием»), принимать участие в жизни общества.

Пока над Византией довлела идея возвращения границ Римской империи, она не заметила, как ситуация на Востоке и на Западе радикально изменилась – молодые народы тоже искали себе славу Великого Рима. Разгром Византии крестоносцами в

1204 г. подорвал ее силы. Историк Никита Хониат на рубеже XII–XIII вв., вынес суровый приговор империи: «Недаром мы прокляты всеми народами». Основная причина ему виделась в том, что императоры в своем ослеплении, не воспользовались для спасения всеми имевшимися возможностями. Не учтя урок иконоборчества, в 1438 г. император и патриарх, ища против турок военно-политической поддержки у Запада, подписали Ферраро-Флорентийскую унию с римско-католической Церковью. Как и при первой попытке подписания унии в Лионе (1274 г.), народ ее отверг, но она обнажила вероотступничество власти. Как повествует церковное предание, за несколько дней до падения Константинополя, сначала во время крестного хода с носилок упала Влахернская икона Покрова Богородицы и разразился ливень с градом. Утром город наполнил небывало густой туман, а ночью город был разбужен ярким светом, исходящим из окон купола св. Софии: языки пламени взвились в отверзшееся небо, которое вобрало их. В то время как последний, подписавший унию, император Константин XI погиб на стенах, получив в помощь от Запада всего две галеры, на литургию в Софийский собор собрался почти весь город. Когда турки ворвались в него, священник вместе со Святыми Дарами вошел в алтарную стену. Христианский мир был потрясен падением империи, ознаменовавшим переход к Новому времени, а греки поняли, что грех восторжествовал, и Господь наказал их царство за то, что оно не смогло устроиться по образу Божию[35].

Современное понимание терминов «монархия» и «теократия» отражает различие между светским и религиозным мировоззрением. Православные византийцы понимали под «теократией» не правление духовенства, но то, насколько власть руководствуется в своих действиях исполнением воли Божией. Как показал опыт византийской и других монархий, монархия — только форма правления, которая может быть теократической, а может и не быть. Византийская империя просуществовала одиннадцать веков. Как ни одно другое государство христианского мира, она до конца сохранила учение Евсевия и симфонию Юстиниана, благодаря которым церковно-государственные отношения, несмотря на всю их сложность, никогда не достигали такой остроты и драматичности конфликта как отношения европейских монархов с римскими папами. Стоит отметить, что византийцам многое удалось – были заложены основы уникальной православной цивилизации, жизненной в Церкви и в ориентированной на неё культуре от Балкан и русских земель до Православного Востока.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена принципам византийской государственности – православной монархии, симфонии светской и духовной власти. Автор уделяет особое внимание формуле государственно-церковных отношений, а также представлениям византийцев о роли империи во всемирной истории. Опыт византийской и других монархий показал, что монархия — форма правления, которая, в сравнении с республикой, имеет больше возможностей быть теократической, но может и не быть. Византия, до конца сохранив свою «конституцию», заложила основы уникальной православной цивилизации.

Ключевые слова: Византийская империя, православие, православная церковь, монархия, симфония.

SAMMARY

Article is devoted to the principles of the Byzantine state – an orthodox monarchy, the symphony of the secular and spiritual power. The author pays particular attention to the formula of church-state relations, as well as ideas about the role of the Byzantine empire in world history. As the experience of the Byzantine and other monarchies, monarchy is only form of government that can be theocratic or it may not be. The Byzantine empire until the end of maintaining its «constitution», laid the foundation for the unique Orthodox civilization.

Keywords: Byzantine empire, Orthodoxy, orthodox church, monarchy, symphony.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция / Г. Л. Курбатов // Культура Византии IV – перв. пол. VII в. / Отв. ред. З. В. Удальцова. – М. : Наука, 1984. – 726 с.
2. Литаврин Г. Г. Политическая теория в Византии с середины VII до начала XIII в. / Г. Г. Литаврин // Культура Византии вторая половина VII–XII в. / Отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. – М. : Наука, 1989. – 680 с.
3. Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия : [Сб.]: Пер. с англ. / С. Рансимен; Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. – М. : Наука : Восточная литература РАН, 1998. – 238, 1 с.
4. Удальцова З. В. Византийская культура / З. В. Удальцова; отв. ред. Е. В. Гутнова. – М. : Наука, 1988. – 289, [16] с.
5. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – М. : ГУП «Облиздат» ТОО «Алир», 1998. – С. 140.
6. Курбатов Г. Л. Указ. соч. – С. 99.
7. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Гай Светоний Транквилл. – М. : Худ. лит., 1990. – С. 9.
8. Лосев А. В. Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н. э. / А. В. Лосев – М. : Изд-во МГУ, 1979. – С. 60–61.
9. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. – М. : Родник, 1993.
10. Sordy M. The Christians and Roman Empire / M. Sordy. – L., N.Y. : Routledge, 1994. – P. 172–173.
11. Филатов К. Жизнь Константина Великого / К. Филатов // Ревнитель православного благочестия. – 2000. – № 3. – С. 5–16.
12. Как описал Лабарум Евсевий, – это было копьё с поперечной реей в виде креста, на навершии которого неподвижно лежал веночек из драгоценных камней и золота, на нем – монограмма IX. На поперечной рее висел тонкий белый плат, на котором были изображения Константина и членов его семьи (Воробьевский Ю. Путь в Апокалипсис / Ю. Воробьевский. Падут знамена ада. – М., 2000. – С. 335).
13. Тихомиров Л. А. Указ. соч. – С. 140.
14. Там же. – С. 139.
15. Бердяев Н. Царство Божие и царство кесаря / Н. Бердяев // Путь. – 1925. – № 1. – С. 24–39.
16. Митрополит Иоанн (Снычев). Русь соборная. Очерки христианской государственности / Иоанн (Снычев), митрополит. – СПб. : Царское дело, 1995. – С. 20.
17. Мосс В. Тайна законности / В. Мосс; пер. с англ. Киселева. – М., 1999. – С. 2.
18. Литаврин Г. Г. Указ. соч. – С. 77.
19. Любарский Я. Н. Царь-мим. (К проблеме образа византийского императора Михаила III) / Я. Н. Любарский // Византия и Русь. – М. : Наука, 1989. – С. 56–64.
20. Тихомиров Л. А. Указ. соч. – С. 183.
21. Там же. – С. 158–159.
22. Удальцова З. В. Указ. соч. – 289, [16] с.
23. Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия / С. Рансимен; пер. с англ. – М. : Наука, Восточная литература. РАН, 1998. – С. 225–226.
24. Литаврин Г. Г. Указ. соч. – С. 67.
25. Мосс В. Указ. соч. – С. 3.

26. Свящ. Алексей Николин. Церковь и государство (история правовых отношений). – М.: Изд. Срегенского монастыря, 1997. – С. 278.
27. Андрушкевичь И. Н. Доктрина св. Императора Юстиниана Великого о доброй симфонии между священством и государствомъ / И. Н. Андрушкевичь // Православная Русь. (Orthodox Russia). – Джорданвилль, 1995. – № 4. – С. 9–10.
28. Помазание на царство – высшая степень таинства миропомазания для дарования особой благодати избранным на царство. Как таинство применяли только в Византии и в России, из западных стран – в Англии, но там оно свершается как обряд. В Византии миропомазание совершали в образ помазания царей Израиля (1 Цар. 10,17; 11,14,15; 16,13; 2 Цар. 5,3,4; 4 Цар. 4–21). В России помазание совершалось в образ Иисуса Христа. Поэтому если незаконных византийских царей и западных монархов сравнивали с нечестивыми царями Израиля, в России – всегда с Антихристом. (Воробьевский Ю. Указ. соч. – С. 298).
29. Литаврин Г. Г. Указ. соч. – С. 72.
30. Андрушкевичь И. Н. Указ. соч. – С. 10.
31. Мосс В. Указ. соч. – С. 3.
32. Поснов М. Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 гг.) / М. Э. Поснов. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1964. – С. 297–298.
33. Лев Диакон. История / Лев Диакон; пер. М. М. Копыленко. – М. : Наука, 1988. – С. 53.
34. Андрушкевичь И. Н. Указ. соч. – С. 10.
35. Воробьевский Ю. Указ. соч. – С. 299.